

Почему же он раньше не замечал, что эти двое — не такие, как все?

Нет, погодите. У Шэнь Чуня есть девушка, так почему же председатель всё ещё с ним?

Мысли свернули в это русло, и Ду Синь заёрзал на месте ещё сильнее. В душе он уважал Се Боюаня. Чтобы выделиться среди множества лучших студентов университета Ада, Се Боюань приложил невероятные усилия. Пост председателя студенческого совета — это не просто должность, это эталон. Если бы он оказался замешан в чужих отношениях, общественное порицание было бы куда серьёзнее, чем в случае с Ван Пэнчэном, и могло бы навсегда разрушить его репутацию.

От беспокойства он сдвинул стул, и тот противно скрипнул по полу, словно ложка, царапнувшая по фарфоровой тарелке. Сидевшие напротив двое одновременно подняли головы.

Се Боюань посмотрел на Ду Синя, явно набирая воздух в грудь:

— Что с тобой в конце концов такое?

Раньше Ду Синю просто не хватало самоконтроля, а теперь казалось, будто он нарочно создаёт шум.

Ду Синь смотрел на сидящих напротив и чувствовал, как все его внутренности скручиваются узлом от нерешительности. Он уважал Се Боюаня и не питал неприязни к Шэнь Чуню. Этот младший сокурсник происходил из обеспеченной семьи, но в нём не было ни капли высокомерия. Когда Ду Синь просил его о помощи, тот никогда не отказывался, и Ду Синь, естественно, хотел поддерживать с ним хорошие отношения. Но как же эти двое умудрились так запутаться?

— Старший Ду, если хотите что-то сказать, говорите прямо, — улыбнулся Шэнь Чунь, глядя на его страдальческое выражение лица.

Ду Синь хоть и казался человеком небрежным, но, когда нужно, умел быть внимательнее любого другого. Иначе как бы ему удавалось постоянно организовывать крупные культурные мероприятия?

То, что он заметил неладное, было вполне естественно. Шэнь Чунь и не собирался скрывать. Отношения между ним и Се Боюанем нельзя было афишировать повсеместно, но было бы неплохо, чтобы о них знали близкие друзья. Иначе председатель постоянно чувствовал бы себя неуверенно.

Друзья, семья, а потом и все остальные — чтобы все узнали и дали свои благословения, нужно

действовать шаг за шагом.

— Вам не стыдно?

— после недолгих колебаний всё же выпалил Ду Синь.

Сердце Се Боюаня ёкнуло. Его обычно холодное лицо застыло в растерянности. На мгновение он запаниковал. На самом деле он не боялся, что незнакомцы узнают, что ему нравятся мужчины. Но когда об этом узнают близкие, он всё же опасался, что они не смогут этого принять.

Но даже если они не примут, он из-за этого не расстанется с Шэнь Чунем. Он считал, что ни перед кем не виноват:

— Не стыдно.

— Не стыдно, — с понимающей улыбкой и вполне резонно ответил Шэнь Чунь.

Судя по его наблюдениям, Ду Синь своими словами уже принял его и Се Боюаня вместе с их сексуальной ориентацией. Чувство вины, о котором он говорил, должно было относиться к чему-то другому.

Они ответили хором. Ду Синь, возмущённый, вскочил на ноги, глубоко и часто дыша. Он серьёзно посмотрел на Шэнь Чуня:

— Тебе самому не стыдно перед своей девушкой?!

Всё, это перебор! Ду Синь был просто в ярости.

Услышав эти слова, Се Боюань заметно опешил. Ему показалось, что он понял всё иначе, чем имел в виду Ду Синь:

— Какая ещё девушка?

— Ну, девушка Шэнь Чуня! Тогда на форуме об этом шумели вовсю. Пару обручальных колец надели, ещё писали, что «единицы доходят до конца» и всё такое, — Ду Синь сделал пару шагов туда-сюда, его всё ещё раздирала боль от этого открытия.

— Председатель, даже если младший сокурсник чертовски красив и от него трудно удержаться, вы не можете покушаться на того, у кого уже кто-то есть! Подумайте, как будет страдать та девушка!

— Ты знаешь, что мне нравятся мужчины?

— из этих слов Се Боюань понял всё предельно ясно. Ду Синь ничуть не удивился тому, что ему нравятся мужчины.

— Ага, знаю, — ответил Ду Синь.

— Откуда ты знаешь?

— спросил Се Боюань.

Ду Синь потёр нос, кашлянул, и голос его зазвучал как-то неуверенно:

— Ну... оттуда и узнали.

Встретившись с испытующим взглядом Се Боюаня, он невольно выпалил:

— Ну, помнишь, на втором курсе мы в общежитии смотрели диски? Мы все подумали, что это ого-го как горячо, а председатель вообще никак не отреагировал... Ну, мы и заподозрили... Нет, погодите! Сейчас речь о вас с Шэнь Чунем! Председатель, свет клином на нём не сошёлся! Вмешиваться в чужие отношения — это действительно не дело.

— Никто не вмешивается, — нахмурившись, Се Боюань вытащил из-за ворота висевшее на цепочке кольцо.

— Второе кольцо изначально было у меня.

Кольцо на цепочке было простого фасона и явно составляло пару тому, что было на руке Шэнь Чуня. Ду Синь поперхнулся на полуслове:

— Да не... это...

Твою ж мать! Они и есть пара! А он тут полдня пылал праведным гневом — и всё впустую.

Вот что значит социальное самоубийство. Именно это.

— Старший Ду, свет клином на нём не сошёлся, — протянул Шэнь Чунь.

— На какую «травку» вы хотите увести председателя?

Ду Синь: ...

— «Единицы доходят до конца»

— в этом, похоже, тоже нет ошибки, правда, председатель?

— с улыбкой спросил Шэнь Чунь.

Се Боюань подтвердил:

— Ага.

Две пары глаз уставились на него. В тот момент Ду Синю отчаянно захотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила его. Это ведь они тут признаются в своих отношениях! С чего это всё выглядит так, будто это он признаётся?!

Почему?! Это абсурд!

— ...Я признаю свою вину. Это ведь у меня в голове засели стереотипы, — нагло улыбнувшись, Ду Синь сказал: — Если б я знал, что это с самого начала вы двое... Нет, стоп! Сколько времени прошло с начала учёбы? Вы что, сразу сошлись?!

— Старший, в делах отношений всё решает не время, а судьба, — улыбнулся Шэнь Чунь.

521 Система про себя отметила, что дело, кажется, не в судьбе, а в лице.

— Ого, ничего себе...

— Ду Синь молча придвинул стул обратно и сел.

— Младший, ты и правда силен. Наш председатель — это же цветок заоблачных высот! Сколько людей пытались его сорвать — ни листочка не могли коснуться! А ты пришёл, раз-раз, безжалостно сорвал и сразу в карман положил... Может, научишь старшего парочке приёмов?

Ду Синь был не сказать чтобы уродлив. В отделе культуры девушек было больше, чем парней, но он за столько лет так и не смог с кем-то сойтись.

— А на кого старший положил глаз?

— спросил Шэнь Чунь.

— Хе-хе, на Ло Юци, — смущённо ответил Ду Синь.

Шэнь Чунь тоже помнил ту старшекурсницу. Она была очень красива, обладала танцевальной базой, отличными пропорциями и умело пользовалась косметикой. Была явно из тех, кто следит за собой. Вот только нравился ей явно Се Боюань.

— На самом деле, чтобы приударить за старшей Ло, всё просто. Во-первых, нужно распустить слух, что у председателя кто-то есть, — сказал Шэнь Чунь.

Ду Синь помолчал и спросил:

— ...Младший, ты хочешь взорвать университетский форум?

Шэнь Чунь с кем-то сошёлся — и до сих пор тот пост висит на самом верху. Сердце разбито — пруд пруди. А если добавить сюда ещё и председателя... хе-хе... А потом дать этим людям узнать, что они разобрались друг с другом внутри своей «касты»... Эту картину даже представить страшно.

— Так ты хочешь приударить за старшей Ло или нет?

— с улыбкой спросил Шэнь Чунь.

Ду Синь молча сдался:

— Хочу.

Сердца разобьются — значит, смогут вновь обрести надежду. А тратить свои мысли и чувства на того, у кого уже кто-то есть, — это попусту тратить свою жизнь и время. К тому же он этим поможет многим — это будет настоящим благодеянием, выше любой пагоды.

— Но сейчас как раз решающий момент — сессия. Пожалуй, отложим до следующего года, — с большой совестью сказал Ду Синь.

— Как хочешь, — улыбнулся Шэнь Чунь.

Ду Синь на удивление легко принял тот факт, что Шэнь Чунь и Се Боюань встречаются. Если не брать в расчёт тот взрывной эффект, который это могло бы произвести, то, перебрав в голове всех на кампусе, он признал правоту тех девушек, которые сгруппировались и радовались в своём уголке: единственный, кто достоин Се Боюаня, — это Шэнь Чунь, и единственный, кто достоин Шэнь Чуня, — это Се Боюань.

Возможно, в будущем они оба встретят кого-то ещё лучше и выдающегося, но в любовных делах главное, чтобы друг другу подходили.

Ду Синь был человеком жизнерадостным и имел широкий круг общения. Заручившись согласием обоих, он, естественно, рассказал об этом и нескольким близким друзьям, с которыми они вместе тусовались.

Поскольку те и раньше подозревали, что Се Боюань любит мужчин, и принимали это, то теперь они лишь почувствовали: «А мы так и знали!»

Но, тем не менее...

— Чёрт, Ду Синь, отойди от меня подальше, а то боюсь, что мой ум упадёт до твоего уровня. Ты умудрился решить, что председатель — тот, кто «вмешивается»! Это гениально!

— Круто! Ты ещё и сказал ему прямо в лицо про «свет клином не сошёлся»! Чёрт! Председатель не сделал тебе любящий бросок через плечо — это просто доказывает, как он тебя любит!

— Шэнь Чунь ещё и согласился научить тебя, как приударять! Дуб! Не говоря уже о любви, ты за это должен быть благодарен даже предкам! Ха-ха-ха-ха!

Ду Синь: ...

Тысячелетняя репутация псу под хвост. Мать вашу, с такими друзьями враги не нужны.

Благодаря признанию и благословию друзей Се Боюань явно сбросил с души огромный груз. Экзамены для него не представляли особой сложности, не создавали проблем и для Шэнь Чуня. Так, проработав ещё с полмесяца, экзамены в основном закончились.

— Председатель, на зимних каникулах правда собираешься так сразу и пойти на стажировку в компанию?

— спросил Шэнь Чунь, глядя, как Се Боюань собирает вещи.

— У меня будет несколько свободных дней: дождусь, пока ты сдашь, а потом поеду, — Се Боюань, не прекращая сборов, ответил: — Сейчас просто готовлю всё заранее. Примерно на Новый год будет отпуск, тогда поедem куда захочешь, я везде тебя сопровожу.

— Тогда приезжай на Новый год ко мне домой, — сказал Шэнь Чунь, глядя на напряжённую спину Се Боюаня.

— Мои родители всё время хотели с тобой познакомиться.

Глава 22: Студенческий кумир — неприступная вершина (22)

Признаться друзьям в своих отношениях — Се Боюань просто волновался. Но когда дело дошло до родителей Шэнь Чуня — это давление в один миг заставило его почувствовать, что нечем дышать.

Хотя Шэнь Чунь и сказал, что признался своим родителям, любовь к мужчине вовсе не означала, что его родители одобряют его выбор. А любовь, которой противились родители, порой оказывалась недолговечной.

— Председатель, расслабься, — Шэнь Чунь обнял его за талию сзади.

— Когда я признавался своим, я уже показывал им твою фотографию. Моей маме ты очень понравился. Она точно не будет против. Мой папа поначалу упёрся, но он не из тех, кто не понимает доводов. В нашей семье не смотрят на происхождение. Мои родители просто хотят, чтобы я нашёл серьёзного человека, а не шатался целыми днями. Так что не нервничай.

Голос Шэнь Чуня был очень нежным, и от этого крепко сжатые нервы Се Боюаня начали понемногу отпускать:

— Я старше тебя. Это я должен всё это на себя брать. Убедить твоих родителей, наверное, было непросто?

— Не слишком сложно. Если совсем туго, можно прикинуться беспомощным. В конце концов, мама меня защитит, — улыбнулся Шэнь Чунь.

В глазах Се Боюаня невольно промелькнула улыбка. Этот человек был непревзойдённым мастером капризничать и увиливать. Он мог представить эту картину. Но даже так, он всё равно был бесконечно благодарен:

— Спасибо.

Всё это было ради него.

— Да что тут такого? Что есть у других возлюбленных — должно быть и у моего. Чего нет у других возлюбленных — у моего тоже должно быть, — сказал Шэнь Чунь так, будто это было чем-то обыденным, но от этих слов на душе у Се Боюаня разлилось тепло.

Его возлюбленный действительно был очень серьёзен в их отношениях.

Выражение лица Се Боюаня уже не было таким холодным, как с чужими. Растопить лёд — само по себе дело невероятно прекрасное и дающее ощущение достижения.

Самые пылкие чувства у человека обычно бывают в первый раз. Отдавая всё без остатка, Се Боюань готов был отдать всё. И Шэнь Чунь, естественно, должен был дать ему душевное спокойствие. Жизнь человека в его объятиях так коротка. Всё, что мог дать Шэнь Чунь, — это подарить ему целую жизнь. Поэтому давать ему то, что и так должно быть у возлюбленных, и то, что делает его счастливым, — почему бы этого не делать?

— Ты правда первый раз в отношениях?

— спросил Се Боюань, покосившись на него.

Эти слова и поступки, проникающие прямо в душу, — почему он мог так легко их говорить и так хорошо выполнять?

— Правда, — улыбнувшись, Шэнь Чунь поцеловал его в щёку.

— Но, кстати, когда я смогу познакомиться с твоей семьёй?

Се Боюань слегка сжал губы, и его улыбка потускнела. С тех пор как он поступил в университет, он возвращался домой только каждый год на Цинмин и в годовщину смерти бабушки и дедушки. В остальное время он оставался в этом городе.

Родители были живы, но отношения с ними были неважные. В своих решениях он уже давно не нуждался в их вмешательстве или одобрении. Отсутствие здоровой и счастливой семьи было для него источником неуверенности перед Шэнь Чунем. Он даже не мог сказать, что у него есть родители. И он не хотел, чтобы Шэнь Чунь встречался с его родителями.

Его положение в университете тоже обсуждалось. Пусть его жалеют, пусть называют бессердечным — ему было всё равно. Кем родиться и в какой семье жить — это не выбирают. Поэтому ему было безразлично, что думают другие. Но ему было важно, что думают о нём Шэнь Чунь и его родители.

— Если хочешь посмотреть, я могу сводить тебя к моим бабушке и дедушке, — сказал Се Боюань.

Прийти на могилу, сказать бабушке и дедушке, что он нашёл любимого человека, что любимый человек тоже его очень любит, — это когда-то было его мечтой о будущем.

— Хорошо, — улыбнулся Шэнь Чунь.

— Тогда мне нужно одеться поопрятнее.

Он не стал спрашивать, почему Се Боюань не знакомит его с родителями. Даже если Се Боюань делал вид, что это его не заботит, прошлые раны — как дыра от гвоздя, который вбили, а потом вытащили. Даже если изо всех сил делать вид, что ничего не случилось, это уже не может быть состоянием без шрамов. И он, естественно, не станет беречь чужие раны.

— Как бы ты ни оделся, бабушке ты понравишься, — голос Се Боюаня был очень нежным, когда он говорил о бабушке.

— Она с детства любила красивых детей.

— Значит, то, что председатель смотрит на внешность, — это наследственное, а не его вина?

— тихо спросил Шэнь Чунь ему на ухо.

— Я зря винил председателя.

— Я...

— Се Боюань запнулся. Кончики его ушей слегка покраснели, но он не нашёл слов для возражения.

Он действительно смотрел на внешность. Однако то, что ему нравилось в этом человеке всё больше и больше, было связано не только с внешностью. Просто он сам не заметил, как увяз по уши и не мог выбраться.

Человек глубоко засел в сердце. Если бы попытаться вырвать его, это было бы ничем не лучше, чем вырезать кусок плоти.

У Шэнь Чуня было больше экзаменов, и заканчивал он позже. Приближались зимние каникулы. Студенты, едва сдав экзамены, сразу тащили чемоданы и уезжали из университета. Даже ледяной ветер не мог заглушить смех и радостные голоса.

Прозвенел звонок. В аудитории, где сдавал Шэнь Чунь, напряжение мгновенно спало. Работы сдали, и раздались радостные крики:

— Наконец-то сдал!!!

— Ты на какую электричку сегодня после обеда?

— Выходим вместе!

— Чувак, давай сверим ответы!

— убирая вещи, Ван Чжо подошёл к Шэнь Чуню.

— Я чувствую, что этот предмет провалил!

<http://bllate.org/book/15476/2151871>